

Юлия
ГЕРМАН

ТРЭШМЕЙКЕР

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

НАУЧУ_ПЛОХОМУ

18+

Хэштегнутые

Юлия Герман

Трэшмейкер #НаучуПлохому

«Автор»

2026

Герман Ю. М.

Трэшмейкер #НаучуПлохому / Ю. М. Герман — «Автор»,
2026 — (Хэштегнутые)

— Ты думаешь, я просто так выбрал тебя, Ряба? — он достает телефон, показывает экран. — Знаешь, что это? Сердце ухает в пятки. — Откуда у тебя это? — Нравится? — усмехается. — Что, если это видео попадет к твоим родителям или декану?.. — он замолкает и улыбается. — Хотя, может, у меня есть на тебя что-то еще? — Чего ты хочешь? — Прими мой вызов. Покажи, что ты не трусиха, и тогда я удалю все, что может испортить твою репутацию. — Сколько? — Пять испытаний. — И потом я свободна? — Да. Но если я сделаю тебя во всех пяти, то ты проведешь со мной ночь. — С ума сошел. — Решайся, Ряба. На кону твоя репутация. Такие, как он, — ред флаг. Держись от него подальше, — говорили мне. Рядом с ним опасно, — предупреждали. Но стоило лишь раз попасть в поле зрения первого трэшмейкера нашего универа, как я стала его главным проектом и единственной болезнью. Он пообещал научить меня плохому, не зная, что это работает в двух направлениях.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Юлия Герман

Трэшмейкер #НаучуПлохому

Пролог

— Путь свободен! — шепчет Дианка, сидя на дереве и следя за подъездной дорогой.

— Точно?

— Да, ни души!

— Окей! — натягиваю балаклаву, набирая полные легкие воздуха, собираясь сделать то, о чем никогда не могла даже подумать.

Взлом чужого дома в два часа ночи — это не просто глупо, это клинический случай идиотизма. Но когда на кону свобода от одного наглого сероглазого мажора, я готова пойти и не на такое.

Поэтому я здесь.

Стою за густыми кустами сирени и смотрю на трехметровый кованый забор. За ним находится особняк нашего ректора. Двухэтажный, в неоклассическом стиле, с колоннами, идеально подстриженным газоном и подсветкой дорожек, которая сейчас отключена.

Дом спит. Мертвый, черный, без единого огонька.

— Ну чего ты там застыла? — шипит сверху Ди. — Иди уже, пока нас охрана поселка не заметила!

— Иду-иду! — огрызаюсь я.

Я подхожу к забору. Метрах в двадцати находится калитка с кодовым замком, но я даже не пытаюсь ее взломать. Не умею. Зато знаю другой путь. Неделю назад я нашла лазейку. У самого забора, там, где грунт осел после ливня, нижний прут будто бы расшатался. Образовалась щель у самой земли. Сантиметров пятьдесят в высоту и сорок в ширину. Достаточно, чтобы пролезть, если не бояться испачкаться и порвать одежду.

Я падаю на колени. Земля влажная, холодная, пахнет прелой листвой и перегноем. Отодвигаю прут рукой, и он поддается с противным скрипом. Протискиваюсь в щель. Рюкзак цепляется за металл, но я с силой дергаю его, и он с треском проскальзывает внутрь.

— Черт! — шиплю, надеясь, что не успела порвать.

Лежу на мокрой траве, тяжело дыша. Сердце колотится так, что кажется, его слышно за километр. В ушах звенит от адреналина. Балаклава сбилась набок, я поправляю ее, чувствуя, как влажная ткань прилипает к лицу. Я вся в грязи, кажется, что колени разодраны, а руку жжет. Похоже, все-таки поцарапалась металлом.

— Ты как? — доносится сверху шепот Дианки.

Пытаюсь рассмотреть ее среди веток, но на улице так темно, что это совершенно бессмысленно. И это хорошо.

— Жива, — шиплю я в ответ.

— Ну ты даешь! — смеется она.

— Тише ты! Услышат!

— Кто услышит? Никого же нет! — возмущается она. — Давай, действуй! Нужно скорее покончить с этим.

Я встаю, отряхиваю грязь с коленей, оглядываюсь назад на забор, думая о том, что еще не поздно вернуться обратно, и пребывая в шоке оттого, что я действительно это делаю. Я вошла на частную территорию. И если меня поймают, то мне конец.

Но Ди права.

— Звони, если кто-то появится, — бросаю подруге напоследок и, еще раз оглядевшись по сторонам, сгибаюсь и бегу к дому короткими перебежками до дерева, потом до беседки.

Вдруг мы где-то просчитались и в доме все же кто-то есть. Мне надо остаться незамеченной.

Территория огромная, и если кто-то сейчас выглянет в окно, то обнаружит меня сразу. Но окна черные. По нашим данным, хозяев нет дома.

Я добегаю до стены особняка и прижимаюсь к ней спиной.

Камень холодный, шершавый, впивается в лопатки через худы. Сердце колотится где-то в горле, и я на секунду замираюсь, пытаюсь восстановить дыхание.

Так.

Я добралась до дома. А ведь я сомневалась, что смогу пройти так далеко. Теперь мне нужно так же спокойно выполнить все остальное.

Смотрю вверх и вижу приоткрытую дверь балкона.

Что ж, осталось только забраться туда по водосточной трубе.

— Ты сможешь, Ника, — шепчу под нос.

Я подхожу ближе и присматриваюсь к ней. Не самая надежная опора. Но внезапно замечаю в паре метров от трубы старую кованую решетку для вьющихся растений.

Цветы давно засохли, но решетка вбита в стену капитально. По ней можно забраться, как по лестнице. И этот вариант гораздо удобнее трубы. Надежнее.

Я хватаюсь за нижний прут. Дергаю его.

— Давай, не подведи меня.

Убедившись, что он выдержит мой вес, я подтягиваюсь, ставлю ногу на следующий. Решетка даже не скрипит подо мной, настолько толстый металл, вмурованный в камень на совесть. Я лезу быстро, и мне почти не страшно. Пальцы цепляются за холодный кованый узор, кроссовки без проблем находят опору.

И вот я уже вижу балкон. Перекидываю ногу через перила, оказавшись на твердой поверхности, и задерживаю дыхание, прислушиваясь к звукам.

Внизу тихо, и тогда я осматриваюсь. Все вокруг заставлено кадками с петуньями. Не найдя ничего полезного, делаю шаг к приоткрытой двери.

Я осторожно толкаю ее, и она бесшумно поддается. На пару мгновений мне кажется эта удача подозрительной, но цель слишком близка, чтобы я реагировала на пресловутое предчувствие.

Наплевав на скребущее ощущение в груди, шагаю внутрь дома.

Нос заполняет запах влажной земли.

Это оранжерея. Небольшая, застекленная комната, уставленная кадками и стеллажами с горшками. Тут темно, но лунный свет, просачиваясь сквозь стеклянную крышу, заливает всё серебристым сиянием.

Всего ничего отделяет меня от того, чтобы поставить точку в этой истории.

— Последний рывок — и весь треш останется позади, — шепотом подбадриваю себя. — Ника, ты — огонь! Ты — пушка! Тебя никому не остановить!

Особенно тому, кто стал причиной всего ненормального и дикого в моей жизни. Я просто обязана довести дело до конца и избавиться от него.

Пересекаю оранжерею, нажимаю на дверную ручку, толкая дверь, и оказываюсь в темноте коридора.

Половицы мягко скрипят под ногами. Пульс разогнал до сверхскорости, но я заставляю себя дышать ровно.

Где-то здесь кабинет ректора.

Я иду вдоль стены, нащупывая рукой холодные деревянные панели, и достаю из рюкзака фонарик, подсвечивая стены.

Наконец-то я замечаю кабинет. Стараясь не шуметь, открываю дверь и захожу в ректорскую обитель.

Я тихо закрываюсь изнутри, стягивая балаклаву, и, обернувшись, скольжу фонариком по стеллажам, собираясь как можно скорее отыскать кубок.

Луч света проходит по столу, и я вижу бархатную подставку, которая стоит на почетном месте.

Она пуста.

Внутри все обрывается.

Кубка “Лучший университет года” нет. Это главная гордость нашего вуза. Огромный, серебряный, с гравировкой. Тот самый, который мы выиграли в прошлом году в престижном международном рейтинге и за который будут сражаться другие университеты в конце этого. Его фотографии висят на доске почета, а ректор показывает его копию на каждой линейке, захлебываясь от гордости. Потому что это всего второй эпизод за все существование университета, когда мы заполучили его. И никто, ни один вуз не смог заслужить его два года подряд.

— Нет, — шепчу я. — Нет-нет-нет...

Я подхожу ближе и вздрагиваю, только теперь заметив, что не одна в кабинете.

В кресле ректора, развалившись с видом абсолютного победителя, сидит ОН.

Тот самый Трэшмейкер, не дающий мне спокойной жизни.

Ярослав Огнев.

В отличие от меня, он будто бы даже не пытается быть незаметным. Белая рубашка растегнута наполовину, в одной руке бокал, а в другой — моя цель.

Он держит кубок за основание, лениво покачивая, будто это не главная гордость университета, а пустая консервная банка.

Серые глаза, что при свете фонаря кажутся темными безднами, смотрят на меня с ленивым, хищным интересом. На чувственных губах та самая улыбка, от которой у меня внутри все переворачивается.

— Привет, — говорит он. — А я уже заждался. Это ищешь?

Он поднимает кубок выше. Серебро тускло блестит в свете фонаря.

Сердце падает в пропасть.

Только не это.

Огнев окидывает меня взглядом с головы до ног. Грязные коленки, растрепанные волосы, балаклава, сжатая в кулаке. Улыбка становится шире.

— Балаклава? Seriously? Ты пересмотрела шпионских фильмов, Ряба, — усмехается и делает глоток из бокала, не сводя с меня глаз.

У меня же пересыхает во рту, а в животе все стягивается в узел.

— Залезла по решетке, да? Я видел, — хмыкает, продолжая жонглировать моим трофеем. — За этим было довольно забавно наблюдать.

Я открываю рот, пытаюсь колко ответить, но слова застревают в горле.

— Как... — выдавливаю я. Голос срывается на хрип. — Как ты здесь оказался? Ты не должен был...

— Что не должен? — продолжает усмехаться этот негодяй. — Находиться здесь? Или не должен был догадаться о твоём плане?

Пульс учащается, когда он ставит бокал и встает, направляясь ко мне расслабленной походкой хищника, который точно знает, что жертва никуда не денется.

— Я же говорил, что тебе бессмысленно тягаться со мной, — останавливается в двух шагах.

В нос забивается его ненавистный парфюм, с древесными нотами, ароматом терпкой кожи, пряных специй и сладкой ванили. Кажется, что он преследует меня в последнее время. Но самое отвратительное — это то, что я будто бы не могу им надыхаться.

Проклятый мажор и его дорожные привычки.

Треш держится, как всегда, с такой уверенностью, которой сложно противостоять.

— Ты действительно думала, что балконную дверь оставили открытой специально для тебя, Ника? — тихо смеется. — Ну, не разочаровывай меня, Ряба. Не настолько же ты наивная.

В его глазах отблески фонаря, и сейчас он действительно напоминает хищника, ожидавшего свою добычу в засаде.

При этом Яр смотрит на меня с ленивым интересом, продолжая ухмыляться так, словно я уже проиграла.

— Так это ты все подстроил... — произношу, чувствуя, как кровь отливает от лица и холод растекается по венам.

— Ну наконец-то, — торжествующе улыбается. — А я уж думал, ты никогда не догадаешься.

Он подходит ближе, и я пячусь назад, стараясь увеличить расстояние между нами. Но его это не останавливает, и он приближается настолько близко, что я чувствую его дыхание.

Рука с фонарем свисает вдоль тела. И страх перед Трешем становится еще глубже, сильнее, потому что мы одни в чужом доме и он объективно сильнее меня.

Яр поднимает руку с кубком вверх, в очередной раз демонстрируя свое превосходство.

— Ты проиграла, Ряба. Всухую, — понижает голос, и мурашки расползаются по телу от возникшей интимности в его интонации. — Ты... — второй рукой тянется к моему лицу, и я задерживаю дыхание, когда он убирает прядь с моего лица, — сама сделала этот выбор.

На мгновение мне мерещится сожаление в его голосе.

В этот момент ночную тишину разрывает пронзительный, ледяной вой сирены. Кажется, что она охватывает весь поселок. Резкий звук заставляет вздрогнуть, сердце пропускает удар.

За окнами вспыхивают фары. Со стороны шоссе доносится приближающийся вой полицейских машин.

— Нет... — выдыхаю я.

— Ой-ой, — тянет Яр с притворным ужасом. — Похоже, что ты не знала про генератор... Неужели думала, что Терминатор оставил такой огромный дом без защиты, да еще с открытым балконом? — из него вырывается смешок.

— Ты... — не нахожу нужного слова, потому что он прав. Я — полная дура, решившая, что смогу обвести вокруг пальца не только этого отбитого на всю голову Треша, но и самого ректора.

— Я думал, ты знаешь. Ты ведь у нас такая умная? Или я переоценил?

Сирена воеет громче. В кабинет падает с улицы сине-красный свет фар. У меня в кармане вибрирует телефон. Но уже поздно. Снаружи слышится топот ног и голоса. Кто-то кричит:

— Оцепить периметр!

Мы в ловушке.

Паника накрывает меня с головой. Я смотрю в окно и на дверь, думая о том, как отсюда выбираться и что это конец всему.

И только Огнев сохраняет спокойствие.

Яр отворачивается от меня, подходит к столу, подбирает с пола рюкзак и прячет в него кубок, застегивает молнию и неторопливо направляется к двери. Останавливается на пороге, оборачиваясь.

Из-за бликов сирен я вижу его направленный на меня взгляд. Представляя, какой жалкой я выгляжу для него. Вжавшаяся в стену, перепачканная, напуганная, униженная.

— Так что, Ряб? — говорит он спокойно, смотря на смарт-часы. — Сдаешься? У тебя тридцать секунд, пока они ломаются в дом, у тебя есть шанс сдать.

Его голос становится жестче, веселье полностью исчезает, и мне кажется, что я слышу в нем надежду.

— Сдавайся, и тогда я тебя выведу, Ник. Выведу без потери для твоей репутации. Либо я уйду, тебя поймают, но я все равно добьюсь своего, и ты перестанешь мне сопротивляться. Подумай, что лучше: признаться, что тебя тянет к такому, как я, или встретить полицию одной в чужом доме, со взломанной сигнализацией и отпечатками пальцев по всему дому. Проникновение в частную собственность со взломом — это серьезное обвинение. Можешь забыть про стипендию. Позор для всего вуза.

Я смотрю на него. Внутри все кричит, требует сопротивляться, спорить, бороться до конца. Потому что я не могу ему сдаться, не могу стать еще одним трофеем в его послужном списке.

— Ты считаешь, что это выбор? — голос срывается на шепот. — Сдаться тебе или сесть в тюрьму?

— Именно, — улыбается он. — Но я знаю, что ты выберешь. Потому что ты умнее, чем хочешь казаться, Ряба.

Шаги на крыльце. Голоса. Стекло дрожит от ударов в дверь.

Я закрываю глаза. В голове проносится весь тот путь, который привел меня к этой точке. И ведь я не думала, что глупое противостояние заведет нас так далеко.

Унижение и злость отходят на второй план, потому что на передний выходит страх. Страх, что меня выгонят из универа и я стану позором своей семьи. А еще стыд, за то, что я впутала в это Дианку.

— Три, — считает Яр.

— Я ненавижу тебя, — шепчу я, делая шаг вперед.

— Два, — ухмыляется он, и его глаза загораются торжеством.

— Ты заплатишь за это, — говорю я, чувствуя, как внутри все сжимается от бессилия.

— Один, — он протягивает мне руку.

Дорогие друзья, приветствую вас в эмоциональной новинке! История будет выкладываться по главам, и пошатает ваши нервишки. Готовы? Тогда погнали! В тексте есть: #наглый герой #от ненависти до любви #первая любовь #столкновение характеров #противостояние #студенты #мажор #сильные чувства #мажор

Глава 1

За два месяца до событий, описанных в прологе

Ника

— Ты уверена, что нам сюда? — озираюсь в ужасе по сторонам и бросаю тоскливый взгляд вслед уезжающему такси. — Может, тебе какую-то левую метку кинули?

— Да нет же! — смотрит в телефон подруга. — Все верно.

— Это точно не тупой пранк для первокурсников?

Мне сложно представить, что на территории разрушенного завода может проходить хоть какое-то мероприятие, за исключением собрания бомжей.

— Точно нет! — закатывает она глаза, надувая пузырь жвачки, и, лопнув его, кивает в сторону, на появившийся свет фар. — Видишь?

Со стороны трассы приближаются сразу несколько машин, и у меня на душе становится легче, но настороженность никуда не исчезает.

Вся эта идея с посвящением на территории здания разрушенного завода не вызывает у меня такого же предвкушения, как у Ди или остальных первокурсников.

К тому же официальная часть состоится лишь через неделю. А то, что будет происходить здесь и сейчас, — какой-то университетский ритуал, что проводят старшекурсники.

Я вообще не хотела сюда ехать, считая это полной ерундой, но Ди, моя соседка по комнате, бывшая одноклассница, а теперь еще и одногруппница, так загорелась поехать и посмотреть своими глазами на “легендарное посвящение”, что мне не оставалось ничего иного, как присоединиться к ней. Не отправлять же ее непонятно куда в одиночестве. К тому же Ди у меня такая оторва, что неизвестно, где может очнуться поутру. За ней нужен глаз да глаз.

— Приве-е-ет! — из первой притормозившей машины сразу выходят четверо парней с нашего курса.

— Приветтики!

— А вы чего не проходите дальше?

— Вас ждали, — подмигивает Диана, а мне остается лишь закатить глаза. Она неисправима.

— Тогда погнали! — приобнимает нас за плечи Вадик, с которым мы познакомились в первый день учебы.

Мы сворачиваем к территории завода, следуя к указанной в приглашении геометке.

Я слышу, как следом за нами одна за другой приезжают машины, и уже не боюсь, что мы ошиблись с местом. Но мысли о том, будто нас заманили для массовой расчлененки, не покидают.

Все-таки обычно для вечеринок не выбирают богом забытые места. А при взгляде на полуразрушенные бетонные здания с выбитыми стеклами и осколками, рассыпанными по асфальту, ржавые металлические контейнеры, расставленные по территории, куски разбитого кирпича и мусорные баки, в которых совершенно точно жгли костер бездомные, не появляется ни единой ассоциации с праздником.

Только с фильмом ужасов. Ведь именно так и начинается любой триллер про кучку тупых студентов, явившихся по анонимному приглашению в заброшенный дом, или лес, прямо в лапы к маньяку.

Так, хватит!

Останавливаю полет своей больной фантазии и успокаиваю себя тем, что этой ерундой студенты маются уже много лет. И я не видела сводок новостей о массовых убийствах или исчезновениях.

Значит, ничего страшного не должно произойти.

Но чем глубже мы проходим на территорию бывшего бетонного завода и чем выше становятся здания, тем отчетливее доносятся звуки музыки.

А когда мы добираемся до конечной точки, из меня вырывается:

— Вау!

Такого я точно не ожидала, впрочем, как и остальные первокурсники.

На площади, в окружении заброшенных зданий, прямо по центру, на деревянных ящиках за пультом крутит пластинки диджей, а из огромных колонок разливается клубная музыка, задавая нужное настроение.

Старшекурсники уже вовсю отдыхают. Кто-то танцует прямо на бетонных плитах, либо на капотах машин, кто-то сидит на бочках с надписями “Огнеопасно”, попивая что-то из пластиковых стаканчиков, парочки обжимаются, не стесняясь посторонних глаз.

В некоторых бочках горит огонь. Вокруг мелькают разноцветные огни. Кто-то притащил с собой портативные софиты, и они помогают создать иллюзию ночного клуба, правда куда более атмосферного и аутентичного. Здесь же, прямо в багажнике авто, сделали импровизированный бар, на фоне ярких граффити.

Я пораженно стою, стараясь рассмотреть все как можно внимательнее, потому что это никак не похоже на то, что я успела себе нафантазировать.

— Ну, что я говорила? — Диана поворачивается ко мне с сияющей улыбкой, и я вижу озорной блеск в ее глазах. — Ты только посмотри! Это же круче, чем любая клубная вечеринка!

— Круче, — соглашаюсь я, хотя тревога никуда не исчезла.

Музыка действительно отличная.

У пульты парень с зеленым ирокезом и забитый татуировками по самый подбородок.

Запах дыма от костров смешивается с запахом дыма от сигарет и сладкого алкоголя.

Кто-то уже успел запустить несколько китайских фонариков, и они медленно уплывают в ночное небо, словно сигнальные огни для тех, кто еще не дошел до места общего сбора.

Мы с Ди подходим ближе к импровизированной танцплощадке. Я, в отличие от подружки, которая вырядилась в кожаные шорты и блестящий топ с открытой спиной, одета в джинсы и белый топ с длинными рукавами. Нарядиться ради “легендарной” тусовки не входило в мои планы.

— О, смотри! — Ди тычет пальцем в сторону, где у одного из контейнеров стоит еще один столик с напитками. — Там пунш. Идем?

— Идем, — вздыхаю я.

Мы пробираемся сквозь толпу. Мимо проплывают лица: кто-то знакомый, а кого-то я вижу впервые. Я слышу обрывки разговоров, смех, чей-то пьяный крик. Атмосфера накаляется с каждой минутой. С каждой новой машиной, которая подъезжает к территории завода.

У столика с напитками суетится парень с красными глазами и белозубой улыбкой.

— Для самых смелых! — объявляет он, разливая что-то мутное из большой бутылки. — Проверено! Улетите с первого глотка!

— О! Я хочу попробовать! — хватается стаканчик Диана.

Я беру свой, но к губам не подношу. В нос ударяет резкий запах спирта, смешанного с чем-то сладким. Это совершенно точно не пунш. Скорее, “химический коктейль” для быстрого отключения мозга.

— Ди, может, не надо? — осторожно тяну я.

— Ника, расслабься! — она уже сделала глоток и довольно жмурится. — Вкусно! Мы — студенты! И у нас посвящение! Хватит быть маленькой занудной девочкой! Нужно соответствовать!

Я закатываю глаза, но стакан все же отставляю в сторону. Лучше оставаться трезвой в таком месте.

Внезапно прямо на середине трека музыка стихает. И в наступившей тишине становится слышно, как ветер гуляет между бетонными стенами, как где-то далеко лает собака и как шуршат по асфальту шины.

— Что происходит? — шепчет Ди, прижимаясь ко мне плечом.

Толпа затихает. Все поворачиваются в сторону въезда, откуда доносится гул мощного мотора. Фары выхватывают из темноты очертания огромного черного пикапа. “Додж Рам” — я такие только в фильмах видела. Он медленно, почти торжественно, въезжает на площадь, подсвеченную десятками экранов телефонов.

— Кто это? — слышится голос откуда-то слева.

— Это Треш! — отвечает кто-то с благоговением. — Так и знал, что что-то будет!

По толпе проносится шепоток. Он нарастает, как волна, и я чувствую, как по спине пробегают холода. Треш. Я слышала это имя. Про него в университете говорят с благоговением. Он устраивает самые безумные вечеринки, и не только. Он настолько отбитый, что стал легендой в стенах нашего университета.

“Рам” останавливается в центре площади, заглушая двигатель. Наступает тишина. Внутри салона абсолютная темнота. Никакого движения.

И вдруг, из тени, прямо из кузова пикапа, выпрыгивает фигура. Человек в маске Они, грозного рогатого духа или тролля из японских мифов. Кожа покрывается мурашками, потому что мне кажется, что к нам вышел настоящий демон.

На нем кожаная куртка и тяжелые ботинки. Он поднимает руки вверх, и толпа замирает.

— Ну что, грешники! — его голос звучит глухо, искаженно, как будто через модулятор. — Сегодня вы не просто студенты. Сегодня вы — часть истории.

Диана вцепляется в мою руку. Ее ногти впиваются в кожу.

— Ника... — шепчет она. — Это же...

— Знаю, — отвечаю я, чувствуя, как внутри все сжимается.

Демон спрыгивает с кузова и идет к толпе. Его шаги отдаются эхом. Многие отступают в стороны, освобождая проход. Он словно король, проходящий сквозь своих подданных.

— Сегодня мы узнаем, готовы ли вы попробовать запретный плод, — голос демона гремит над площадью, и его лицо поворачивается, будто вглядываясь в глаза каждого, кто находится в толпе. — Готовы ли вы заглянуть в свои темные стороны и признать, что в каждом из нас живет порок?

Толпа замирает. Музыка стихает полностью, и я слышу только шум ветра и свое собственное сердцебиение.

Демон поднимает руку, и из тени появляются трое в масках. Они несут металлические подносы, на которых лежат предметы. Я шурюсь, пытаюсь разглядеть, что там.

— Потому что сегодня вам придется столкнуться с ними лицом к лицу.

Глава 2

— О-бал-деть! — шокированно тянет Ди. И она явно под впечатлением, от происходящего. Хотя у меня мурашки по коже от этого демона в маске.

Головой я понимаю, что это всего лишь артефакт, выступающий в качестве атмосферного атрибута вечеринки. Но все равно по коже расползаются мурашки от энергетики излучаемой этим жутким человеком с головой демона, приковавшим всеобщее внимание.

Он поднимает руку, и помощники выкатывают в центр площади еще три металлических контейнера. Открывают крышки. Внутри ряды одинаковых предметов, разложенных по ячейкам. Я вижу блеск металла, красные ленты, что-то ещё.

— Семь грехов. Семь символов, — объявляет Демон. — Гордыня. Жадность. Зависть. Гнев. Похоть. Чревоугодие. Лень.

Он берет с подноса зеркало в бронзовой оправе и поднимает его над головой.

— Каждый из вас выберет один символ. Тот, который ближе всего к вашей сути. Не думайте долго. Не советуйтесь. Просто возьмите то, что отзовется.

Толпа начинает двигаться. Первокурсники тянутся к контейнерам, но Демон поднимает руку.

— Стоять!

Все замирают.

— Выбирать будете по очереди. По списку, — он кивает одному из помощников, и тот разворачивает длинный свиток с фамилиями. — Первые тридцать пять человек — к столу. Остальные ждут.

Начинается медленное, почти церемониальное действие. Люди подходят, берут предмет, тут же опрокидывают стаканчик протянутого алкоголя, и отходят. Кто-то мнетса, не зная, что выбрать. Но многие хватают первое, что попало. Кто-то долго смотрит на символы, пытаясь понять, какой из них — его.

Я стою в стороне и жду своей очереди, считая все это какой-то хренью.

Не хочу выбирать и быть частью этого бреда. Но я знаю, что если я откажусь, то я стану изгоем. А изгоем быть страшнее, чем участником.

Хотя, может это тоже, всего лишь местная легенда.

Диана уже выбрала красную ленту и повязала ее на запястье. Это символ похоти. Она смотрит на меня и подбадривающе кивает.

— Ника, давай!

Я подхожу к контейнеру. Смотрю на предметы. Зеркала, монеты, ленты, свечи, ключи. Что-то еще, непонятное. Я не знаю, какой предмет выбрать. Не знаю, что мое.

И тогда я замечаю маленькие металлические жетоны в выгравированными на них коронами.

Видимо, это гордыня.

Что ж, я делаю свой выбор.

Но как только холодный и прочный металл попадает в руки, мне суют под нос стакан с той самой жижой, которую я отказалась пить.

— Я не пью, — отмахиваюсь.

— Кто это у нас тут? — поворачивается ко мне Демон, и щеки вспыхивают от его взгляда. Сердце внезапно замирает, а потом начинает колотиться с удвоенной скоростью.

Мне вдруг хочется спрятаться от него, и не привлекать внимания. Потому что прямо сейчас на меня смотрят абсолютно все!

— Не церемонься с ней, Треш! — выкрикивает кто-то из толпы.

— Да! Проучи!

И теперь мне становится еще страшнее. Никогда не любила толпу, тем более пьяную. А собрание подвыпивших студентов, это гремучая смесь. Достаточно искры, и все вокруг полыхнет так, что после не останется даже пепла.

Демон медленно подходит ко мне. Толпа расступается, освобождая проход. Его шаги отдаются эхом по бетону. Я чувствую, как холодный пот стекает по спине.

— Ты отказалась пить, — говорит он, останавливаясь в двух шагах.

Пульс учащается, потому что вблизи, тот, кого все называют Треш, выглядит просто огромным. По ощущениям он выше меня на полторы головы, и плечи такие широкие, будто он профессионально занимается спортом.

— Ты отказалась пить. Ты пренебрегаешь нашими традициями, нашим гостеприимством, отказываясь становиться одной из нас.

— Нет, все не так... — чувствую на себе сотни глаз, что сейчас готовы испепелить меня за сделанный выбор. — Я просто не пью... алкоголь.

— Тогда зачем ты здесь?

Я слглатываю пытаюсь смочить пересохшее горло. Я хочу ответить, но слова застревают где-то внутри.

— Я... я пришла с подругой, — выдавливаю наконец.

— С подругой, — повторяет он, смакуя слово. — То есть, ты говоришь, что самой тебе все это не интересно? Значит, ты считаешь себя выше этого. Выше нас. Выше меня.

— Нет, — качаю головой я. — Я просто...

— Просто что? — он делает еще один шаг. Теперь он находится слишком близко. Я вижу каждую трещинку на его маске, вижу темноту за прорезями. — Просто струсил? Или просто считаешь, что тебе не место среди нас?

— Я...

— Знаешь, что я думаю? — он наклоняется ближе, и терпкий древесный аромат с нотками чего-то пряного, и цитрусового, окутывает меня. Его голос становится тише, но от этого только страшнее. — Я думаю, что ты — гордычка. Ты смотришь на всех свысока, и думаешь, что ты лучше других и не такая, как они, — Треш обводит рукой толпу. — И это твоя гордыня.

Я сжимаю жетон в кулаке. Металл впивается в ладонь.

— Я не гордычка, — шепчу я.

— Докажи, — он выпрямляется. — Выпей.

Помощник снова протягивает мне стакан. Жидкость мутная, с резким приторным запахом. Я смотрю на нее, потом на него, на его маску, толпу, которая ждет, что я подчинюсь.

— Если я выпью — ты отстанешь? — спрашиваю демона.

— Нет, — он усмехается. — Но хотя бы докажешь, что ты не считаешь себя выше других.

Я смотрю на стакан, людей вокруг, побледневшую Диану, которая смотрит на меня с мольбой. Она что-то шепчет, но я не слышу.

Тогда я принимаю решение.

Я беру стакан, подношу его к губам. Запах ударяет в нос, и меня мутит от него. Но я делаю глоток, а затем второй. Жидкость обжигает горло, оседает в желудке тяжестью. Я заставляю себя не морщиться.

Демон удовлетворенно наблюдает за мной. Когда я опускаю пустой стакан, он кивает.

— Уже лучше, Но этого мало, — произносит.

— Что значит мало.

— Ты уже успела, оскорбить посвящение своей гордыней.

— Чего ты хочешь? — спрашиваю я, и голос дрожит.

— Испытания, — он делает шаг назад и поднимает руку. — Все слышали? Мне кажется для такой высокомерной выскочки у нас как раз найдется подходящее испытание! — говорит так, чтобы услышали все.

— Да-а-а! — кричат они.

— Так ее сучку!

Толпа взрывается аплодисментами. Кто-то свистит, и кричит что-то одобрителное.

Демон поворачивается ко мне, и смотря пристально сквозь прорези в маске говорит:

— Я лично буду следить за тобой.

Дорогие читатели! Приглашаю вас познакомиться с еще одним Хэштегнутым от Дианы Зотовой в истории [Импульс #Ярость](#)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.